12 ноября 1982 г., «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ», № 46 (1034), 9 стр.

ЭТИМ ДЫШУ И ЖИВУ

Станислав КУНЯЕВ

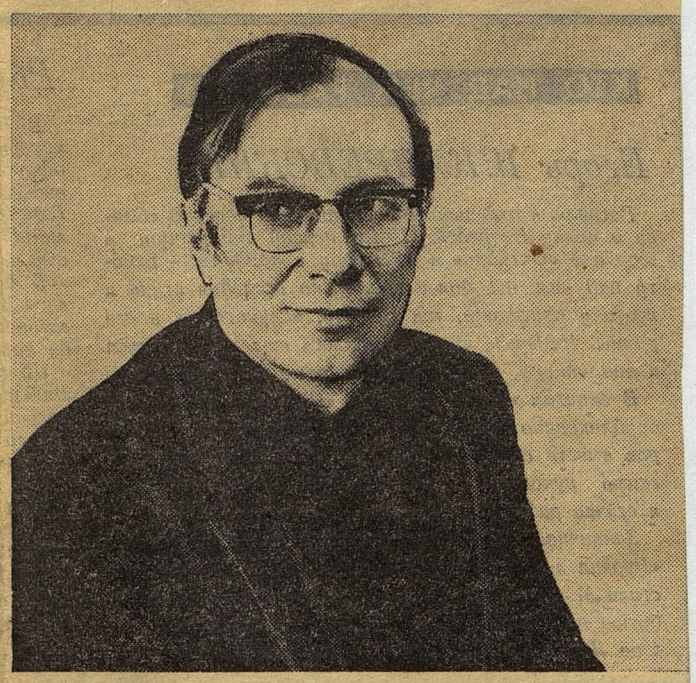
ПОСТИЖЕНИЕ РОДИНЫ

Представляем новую рубрику

Большой интерес вызывают у читателей «Литературной России» давние рубрики газеты «Как мы пишем» и «Мастера — молодым». Под ними выступают известные писатели, которые делятся со всеми, кто любит литературу и пробует в ней свои силы, секретами мастерства, дают уроки гражданственности и профессионального отношения к высокому писательскому долгу.

Газета решила расширить рамки этого разговора, привлечь для выступлений более широкий круг писателей и прибавить к двум вышеназванным рубрикам еще одну. Предполагается, что под рубрикой, названной по строке поэта Николая Старшинова — «Этим дышу и живу», — будут выступать писатели разных поколений, которые поделятся с читателем сокровенным, расскажут о времени и о себе, о главном деле своей жизни — литературе, о том, что волнует их сегодня.

Новую рубрику открывают раздумья Станислава Куняева.



ПОИСК родины... Однажды в разговоре с молодым литератором Сергей Есенин обмолвился:

— Ищи родину! Найдешь — пан! Не найдешь — все псу под хвост пойдет! Нет поэта без родины!

На первый взгляд призыв этот звучит несколько странно. Что значит искать родину? Разве не ясно, что она вокруг, рядом, везде, как земля и воздух? Но в словах Есенина живет страстная мысль о том, что судьба поэта должна быть постижением родины, деянием, которое никакому таланту легко не дается. Разве мы не знаем иных поэтов, которые, прожив на родине жизнь, так и не узнали, не поняли, не ощутили ее сущности? И такое бывает...

Постижение родины начинается с первого шага, с первых картин природы и жизни, навсегда западающих в память сердца, с первых слов колыбельной песни...

Свет полуночи.
Пламя костра.
Птичий крик.
Лошадиное ржанье.
Летний холод. Густая роса.
Это — первое воспоминанье.

Довоенное время. Калужская деревня Лихуны, откуда вышла моя материнская родня. Мы приглядываем за лошадьми в ночном...

Но жизнь движется, сменяя одни впечатления другими, и власть времени отформовывает натуру, приобщая ее к трудам и заботам эпохи, к мощному течению людских дел, которые именуются историей. Так свершается второй шаг в познании родины, связанный с участием человека в ее судьбе, с открытием, которое каждый из людей делает в свой час для себя: кроме родства с землей и небом, с лесом и рекой, существует родство с временами и поколениями... «Но я люблю, за что не знаю сам...» — лучше не скажешь. И все равно каждый поэт, ощущая в себе вот это — «за что не знаю сам», будет стремиться выразить — «за что?». Всю жизнь он обречен отвечать на тот вопрос и, не дай бог, если решит, что ответил на него окончательно.

В середине шестидесятых годов я понял: чтобы мое ощущение родины не потеряло подлинности и глубины, нужно сузить свой взгляд до берегов Оки, до улиц Калуги, поглядеть на мир из окна материнского дома...

Неожиданно сузился мир,
Так внезапно,
что я растерялся.
Неожиданно сузился мир,
А недавно еще расширялся...

Одно и то же количество света можно рассеять в разные стороны, но можно и направить так, что он станет снопом прожектора. Именно в таком узком, но сильном луче мне захотелось взглянуть в те годы на судьбу и на время.

Моя Ока и Калуга помогли мне выйти из тупика, в который я попал после книги «Метель заходит в город», где попытался понять свою судьбу как судьбу человека искусства, поэта, артиста в широком смысле слова. Путь соблазнительный, но рано или поздно заводящий в тупик. Познание «малой родины» вывело меня из тупика. С тех пор я уверился, что счастлив тот, у кого есть за душой своя Калуга или своя Вологда, своя Ока или Сухона—словом, своя точка отсчета в безликом мире времени и пространства. У Пришвина в дневниках есть интересное рассуждение, увязывающее в один узел понятия «малая родина», «природа», «труд» на этой родине и в этой природе.

«Наша поэзия происходит из недр природы, когда мы десятки тысячелетий в борьбе за кусок хлеба тесно сближались с ней. Поэзия эта вышла как победа, когда стальной узел необходимости был развязан...»

Так что природа для поэта — не просто место обитания, но и мировоззрение, и труд на ней, а значит, и истоки трудовой нравственности... До любых самых широких обобщений можно дойти, танцуя от ощущения природы, родного пейзажа, «малой родины»... У Рубцова есть стихотворение «Старая дорога». Вроде картину покоя, безлюдья и запустения рисует он: развалившийся хутор, верстовые знаки, глушь... Но смотрите, какие чувства и откровения рождает в его душе эта с демографической точки зрения вроде бы безрадостная картина:

Здесь каждый славен —
мертвый и живой!
И оттого, в любви своей
не каясь,
Душа, как лист, звенит,
перекликаясь
Со всей звенящей
солнечной листвой,
Перекликаясь с теми,
кто прошел,
Перекликаясь с теми,
кто проходит...
Здесь русский дух
в веках произошел,
И ничего на ней
не происходит,
Но этот дух пойдет
через века!

Сказано глубоко и страстно, с вселенской широтой, а ведь в основе — чувство, рожденное «малой родиной», созерцанием пейзажа. И, однако, возможности сильно суженного взгляда имеют свои пределы Родина — это не только свой уголок детских воспоминаний, это и вся страна, и государство, и история...

Возможности резкого, но узкого взгляда ограничены. Я это почувствовал, когда в моих стихах как нечто запрограммированное стали повторяться слова, мотивы, чувства, когда инерция стиля на какое-то время овладела душой. Вообще опасность эмоциональных штампов все время подстерегает нашего брата, и нужно обладать решимостью отказываться от каких-то завоеваний, от эксплуатации освоенных тем, интонаций, идей, создавших тебе имя, репутацию в читательской массе, порою удобных и полезных для тебя.

Вот почему в конце шестидесятых годов я решил изменить образ жизни. Для начала хотя бы внешне. Стал много ездить. Проработал несколько полевых сезонов с друзьями геологами на Тянь-Шане, открыл пути на Русский Север, на Нижнюю Тунгуску. Появилась необходимость проездиться, как говорил Гоголь, не только в пространстве, но и во времени, присмотреться к узловым мгновениям нашей истории.

Чем больше людей встречается на житейских перекрестках, тем глубже познаешь жизнь. Жизнь — это люди. Вживаясь в чужие судьбы, лучше познаешь и сам себя. Я очень рад, что в числе моих друзей — не только поэты и литераторы. Много лет подряд я встречаюсь с Владимиром Калганихиным — прорабом из Калуги, с Виктором Кулаковым — колхозником из поморской деревни Мегра, Романом Фарковым — охотником из таежного селения Ербогачён, с душанбинскими геологами... Тот, кто читал мои книги, найдет в них этих людей, судьбы которых помогают понять смысл сегодняшней жизни — и жизни вообще. Я сам удивляюсь порой, обнаруживая в своих стихах, что моя личная судьба и судьбы других людей сливаются настолько, что я как бы говорю не только своим голосом и не только от собственного имени. То ли я говорю их голосами, то ли они — моим. Их понимание жизни, их дело, их правда становятся со временем моими. Впрочем, уважение к жизни — в традиции русской поэзии.

В молодости у меня было много учителей. Всех даже и не вспомнишь. В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов короткое время на мой стиль влияли Борис Слуцкий и Леонид Мартынов, но постепенно творчество Ярослава Смелякова и особенно Николая Заболоцкого вытеснило прежние пристрастия. Несколько позже душой завладели Александр Блок и Сергей Есенин, но их влияние было, конечно же, мировоззренческим, а не формально литературным. Постепенно от временных кумиров середины пятидесятых годов мы возвратились к урокам классики, а это означает, что пора ученичества прошла. Конечно время на наших глазах делало свое дело, и мы созревали вместе с ним. Все, что не срослось на протяжении последней четверти века с вечнозеленым древом традиции в русской поэзии, на наших глазах ветшало, отсыхало, срабатывалось. На наших глазах катастрофически умалялось значение многих некогда гремевших новаторов и экспериментаторов двадцатых—тридцатых годов, но зато обретало свое надежное место в шкале ценностей творчество Ахматовой, позднего Заболоцкого, позднего Пастернака, «впавшего» в конце жизни, «как в ересь в неслыханную простоту». Да, с учителями было легче жить. А теперь:

Ни Пушкин, ни Блок,
ни Есенин
тебе не помогут, когда
опять в полумраке весеннем
шумит молодая вода.

Как некогда ветер небесный
тревожит родимую тишь,
и ты под сверкающей
бездной,
как мальчик,
в пространство глядишь.

Теперь о традиции и новаторстве... Сколько копий на моем веку переломано в их якобы борьбе!

Однако сама постановка вопроса о «соотношении традиции и новаторства», на мой взгляд, некорректна, потому что понятия несоизмеримы. Традиция есть все вечно живое, все самое значительное в русской поэзии, что связано с понятиями «патриотизм», «совесть», «красота», «народность», «государственность мышления», «свобода творчества». При всех внешних различиях этих понятий наши великие поэты находили в себе центростремительные силы, для того чтобы властно удерживать их в одной длани. А новаторство — к нему в лучшем случае можно отнести личный, конкретный, индивидуальный вклад в общее дело каждого крупного поэта, вклад чаще всего стилевого свойства, который в конечном счете с течением времени присоединялся, прирастал (или не прирастал), прикипал, как малая веточка, к могучему стволу поэтической традиции, взращенному в главных своих свойствах Пушкиным.

Поэт обязан быть патриотом.

Мне кажется, что утрата социально-классовых критериев — причина того, что иные талантливые критики и поэты рискуют впасть, а иногда и впадают, касаясь серьезных исторических тем, в своеобразный исторический инфантилизм, в абстрактно-чувствительные рассуждения об истории.

История конкретна, с исторической точки зрения итогом ее поступательного движения явились прочные и мирные гарантии для развития народов, вошедших в разные времена в Русское государство. Вспомним хотя бы Лермонтова:

И божья благодать сошла
На Грузию! она цвела
С тех пор в тени
своих садов,
Не опасаяся врагов,
За гранью дружеских
штыков.

Так что хочешь не хочешь, а жизнь учит нас не просто любви к «малой родине», но и государственному мышлению — это тоже традиция великой классики.

Я за то, чтобы слово подтверждалось судьбою. И те свои стихи, в которых такого подтверждения нет, мне хотелось бы забыть... Не люблю литературного происхождения стихотворений, опасаюсь актерства в стихах, театральности, маскарада, примет «массовой культуры», метафорической речи. Я— реалист. Ну, как бы объяснить поподробней, почему я боюсь метафорического мышления и изгоняю каленым железом его следы из своего писания? В метафорическом мышлении, поскольку оно не есть непосредственное лирическое ощущение жизни и противоположно «открытому тексту», всегда есть опасность поэтического шаблона, литературного стандарта. Ты придумал себе маску-метафору, но ведь такую же маску, если она соблазнительна и эффектна, может примерить на себя и кто-нибудь другой. Поэты отличаются друг от друга лицами, а не масками. Маски обезличивают их...

За словом стоит судьба, а судьба — это решения, повороты, стоицизм, выбор, настойчивость, отказ от чего-то. За словом всегда стоят поступки — они, как балласт в трюме, не дают перевернуться паруснику, несущему напоказ миру свои ослепительные белые паруса и прекрасные верхние надстройки... А главный поступок поэта и писателя — это последовательно прожитая жизнь. Очень трудно быть цельным, не поступаться убеждениями, не терять чувство пути. Здесь мало таланта, нужен характер, вернее — натура. Ты должен убедить мир в своей правоте. Мир убедить! Ты понимаешь, за какое дело берешься?! И единственный у тебя остается шанс, поскольку жизнь коротка, а мир занят своими делами,— работать, думать, мучиться, преодолевать немоту, научиться выживать ради поставленной цели, но самое главное—не отступаться от нее и не метаться в разные стороны в поисках иных вариантов судьбы. Словом, «надо мужество иметь...».

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии советской литературы, плодотворную общественную деятельность и в связи с семидесятилетием со дня рождения писатель, главный редактор журнала «Иностранная литература» тов. **ФЕДОРЕНКО Николай Трофимович** награжден орденом Октябрьской Революции.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии советской литературы и в связи с девяностолетием со дня рождения писатель **ШЕРВИНСКИЙ Сергей Васильевич** награжден орденом Дружбы народов.

***

Правление Союза писателей РСФСР тепло поздравило с юбилейными датами:

Поэта и переводчика **Сергея Васильевича ШЕРВИНСКОГО** — с девяностолетием.

Прозаика **Дмитрия Михайловича ГРЕБЕНЩИКОВА** — с восьмидесятилетием.

Прозаика и драматурга **Василия Андреевича ПРОТОДЬЯКОНОВА (КУЛАНТАЯ)** — с семидесятилетием.

Литературоведа и критика **Николая Трофимовича ФЕДОРЕНКО**— с семидесятилетием.

Прозаика **Ибрагима Абдулкеримовича КЕРИМОВА** — с шестидесятилетием.

Поэта **Егора Ивановича ПОЛЯНСКОГО** — с пятидесятилетием.

Поэта **Валентина Леонидовича ПОПОВА** — с пятидесятилетием.

Прозаика и переводчика **Лирона Хайдаровича ХАМИДУЛЛИНА (Лирона ХАЙДАРА)** — с пятидесятилетием.

***

Еженедельник «Литературная Россия» сердечно поздравляет юбиляров.

Лит. Россия, 1982, 12 нояб, № 46

ЭТИМ ДЫШУ И ЖИВУ

Станислав КУНЯЕВ

ПОСТИЖЕНИЕ РОДИНЫ

Представляем новую рубрику

Большой интерес вызывают у читателей «Литературной России» давние рубрики газеты «Как мы пишем» и «Мастера — молодым». Под ними выступают известные писатели, которые делятся со всеми, кто любит литературу и пробует в ней свои силы, секретами мастерства, дают уроки гражданственности и профессионального отношения к высокому писательскому долгу.

Газета решила расширить рамки этого разговора, привлечь для выступлений более широкий круг писателей и прибавить к двум вышеназванным рубрикам еще одну. Предполагается, что под рубрикой, названной по строке поэта Николая Старшинова — «Этим дышу и живу», — будут выступать писатели разных поколений, которые поделятся с читателем сокровенным, расскажут о времени и о себе, о главном деле своей жизни — литературе, о том, что волнует их сегодня.

Новую рубрику открывают раздумья Станислава Куняева.

ПОИСК родины... Однажды в разговоре с молодым литератором Сергей Есенин обмолвился:

— Ищи родину! Найдешь — пан! Не найдешь — все псу под хвост пойдет! Нет поэта без родины!

На первый взгляд призыв этот звучит несколько странно. Что значит искать родину? Разве не ясно, что она вокруг, рядом, везде, как земля и воздух? Но в словах Есенина живет страстная мысль о том, что судьба поэта должна быть постижением родины, деянием, которое никакому таланту легко не дается. Разве мы не знаем иных поэтов, которые, прожив на родине жизнь, так и не узнали, не поняли, не ощутили ее сущности? И такое бывает...

Постижение родины начинается с первого шага, с первых картин природы и жизни, навсегда западающих в память сердца, с первых слов колыбельной песни...

Свет полуночи.
Пламя костра.
Птичий крик.
Лошадиное ржанье.
Летний холод. Густая роса.
Это — первое воспоминанье.

Довоенное время. Калужская деревня Лихуны, откуда вышла моя материнская родня. Мы приглядываем за лошадьми в ночном...

Но жизнь движется, сменяя одни впечатления другими, и власть времени отформовывает натуру, приобщая ее к трудам и заботам эпохи, к мощному течению людских дел, которые именуются историей. Так свершается второй шаг в познании родины, связанный с участием человека в ее судьбе, с открытием, которое каждый из людей делает в свой час для себя: кроме родства с землей и небом, с лесом и рекой, существует родство с временами и поколениями... «Но я люблю, за что не знаю сам...» — лучше не скажешь. И все равно каждый поэт, ощущая в себе вот это — «за что не знаю сам», будет стремиться выразить — «за что?». Всю жизнь он обречен отвечать на тот вопрос и, не дай бог, если решит, что ответил на него окончательно.

В середине шестидесятых годов я понял: чтобы мое ощущение родины не потеряло подлинности и глубины, нужно сузить свой взгляд до берегов Оки, до улиц Калуги, поглядеть на мир из окна материнского дома...

Неожиданно сузился мир,
Так внезапно,
что я растерялся.
Неожиданно сузился мир,
А недавно еще расширялся...

Одно и то же количество света можно рассеять в разные стороны, но можно и направить так, что он станет снопом прожектора. Именно в таком узком, но сильном луче мне захотелось взглянуть в те годы на судьбу и на время.

Моя Ока и Калуга помогли мне выйти из тупика, в который я попал после книги «Метель заходит в город», где попытался понять свою судьбу как судьбу человека искусства, поэта, артиста в широком смысле слова. Путь соблазнительный, но рано или поздно заводящий в тупик. Познание «малой родины» вывело меня из тупика. С тех пор я уверился, что счастлив тот, у кого есть за душой своя Калуга или своя Вологда, своя Ока или Сухона—словом, своя точка отсчета в безликом мире времени и пространства. У Пришвина в дневниках есть интересное рассуждение, увязывающее в один узел понятия «малая родина», «природа», «труд» на этой родине и в этой природе.

«Наша поэзия происходит из недр природы, когда мы десятки тысячелетий в борьбе за кусок хлеба тесно сближались с ней. Поэзия эта вышла как победа, когда стальной узел необходимости был развязан...»

Так что природа для поэта — не просто место обитания, но и мировоззрение, и труд на ней, а значит, и истоки трудовой нравственности... До любых самых широких обобщений можно дойти, танцуя от ощущения природы, родного пейзажа, «малой родины»... У Рубцова есть стихотворение «Старая дорога». Вроде картину покоя, безлюдья и запустения рисует он: развалившийся хутор, верстовые знаки, глушь... Но смотрите, какие чувства и откровения рождает в его душе эта с демографической точки зрения вроде бы безрадостная картина:

Здесь каждый славен —
мертвый и живой!
И оттого, в любви своей
не каясь,
Душа, как лист, звенит,
перекликаясь
Со всей звенящей
солнечной листвой,
Перекликаясь с теми,
кто прошел,
Перекликаясь с теми,
кто проходит...
Здесь русский дух
в веках произошел,
И ничего на ней
не происходит,
Но этот дух пойдет
через века!

Сказано глубоко и страстно, с вселенской широтой, а ведь в основе — чувство, рожденное «малой родиной», созерцанием пейзажа. И, однако, возможности сильно суженного взгляда имеют свои пределы. Родина — это не только свой уголок детских воспоминаний, это и вся страна, и государство, и история...

Возможности резкого, но узкого взгляда ограничены. Я это почувствовал, когда в моих стихах как нечто запрограммированное стали повторяться слова, мотивы, чувства, когда инерция стиля на какое-то время овладела душой. Вообще опасность эмоциональных штампов все время подстерегает нашего брата, и нужно обладать решимостью отказываться от каких-то завоеваний, от эксплуатации освоенных тем, интонаций, идей, создавших тебе имя, репутацию в читательской массе, порою удобных и полезных для тебя.

Вот почему в конце шестидесятых годов я решил изменить образ жизни. Для начала хотя бы внешне. Стал много ездить. Проработал несколько полевых сезонов с друзьями геологами на Тянь-Шане, открыл пути на Русский Север, на Нижнюю Тунгуску. Появилась необходимость проездиться, как говорил Гоголь, не только в пространстве, но и во времени, присмотреться к узловым мгновениям нашей истории.

Чем больше людей встречается на житейских перекрестках, тем глубже познаешь жизнь. Жизнь — это люди. Вживаясь в чужие судьбы, лучше познаешь и сам себя. Я очень рад, что в числе моих друзей — не только поэты и литераторы. Много лет подряд я встречаюсь с Владимиром Калганихиным — прорабом из Калуги, с Виктором Кулаковым — колхозником из поморской деревни Мегра, Романом Фарковым — охотником из таежного селения Ербогачён, с душанбинскими геологами... Тот, кто читал мои книги, найдет в них этих людей, судьбы которых помогают понять смысл сегодняшней жизни — и жизни вообще. Я сам удивляюсь порой, обнаруживая в своих стихах, что моя личная судьба и судьбы других людей сливаются настолько, что я как бы говорю не только своим голосом и не только от собственного имени. То ли я говорю их голосами, то ли они — моим. Их понимание жизни, их дело, их правда становятся со временем моими. Впрочем, уважение к жизни — в традиции русской поэзии.

В молодости у меня было много учителей. Всех даже и не вспомнишь. В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов короткое время на мой стиль влияли Борис Слуцкий и Леонид Мартынов, но постепенно творчество Ярослава Смелякова и особенно Николая Заболоцкого вытеснило прежние пристрастия. Несколько позже душой завладели Александр Блок и Сергей Есенин, но их влияние было, конечно же, мировоззренческим а не формально литературным. Постепенно от временных кумиров середины пятидесятых годов мы возвратились к урокам классики, а это означает, что пора ученичества прошла. Конечно время на наших глазах делало свое дело, и мы созревали вместе с ним. Все, что не срослось на протяжении последней четверти века с вечнозеленым древом традиции в русской поэзии, на наших глазах ветшало, отсыхало, срабатывалось. На наших глазах катастрофически умалялось значение многих некогда гремевших новаторов и экспериментаторов двадцатых—тридцатых годов, но зато обретало свое надежное место в шкале ценностей творчество Ахматовой, позднего Заболоцкого, позднего Пастернака, «впавшего» в конце жизни, «как в ересь в неслыханную простоту». Да, с учителями было легче жить. А теперь:

Ни Пушкин, ни Блок,
ни Есенин
тебе не помогут, когда
опять в полумраке весеннем
шумит молодая вода.

Как некогда ветер небесный
тревожит родимую тишь,
и ты под сверкающей
бездной,
как мальчик,
в пространство глядишь.

Теперь о традиции и новаторстве... Сколько копий на моем веку переломано в их якобы борьбе!

Однако сама постановка вопроса о «соотношении традиции и новаторства», на мой взгляд, некорректна, потому что понятия несоизмеримы. Традиция есть все вечно живое, все самое значительное в русской поэзии, что связано с понятиями «патриотизм», «совесть», «красота», «народность», «государственность мышления», «свобода творчества». При всех внешних различиях этих понятий наши великие поэты находили в себе центростремительные силы, для того чтобы властно удерживать их в одной длани. А новаторство — к нему в лучшем случае можно отнести личный, конкретный индивидуальный вклад в общее дело каждого крупного поэта, вклад чаще всего стилевого свойства, который в конечном счете с течением времени присоединялся, прирастал (или не прирастал), прикипал, как малая веточка, к могучему стволу поэтической традиции, взращенному в главных своих свойствах Пушкиным.

Поэт обязан быть патриотом.

Мне кажется, что утрата социально-классовых критериев — причина того, что иные талантливые критики и поэты рискуют впасть, а иногда и впадают, касаясь серьезных исторических тем, в своеобразный исторический инфантилизм, в абстрактно-чувствительные рассуждения об истории.

История конкретна, с исторической точки зрения итогом ее поступательного движения явились прочные и мирные гарантии для развития народов, вошедших в разные времена в Русское государство. Вспомним хотя бы Лермонтова:

И божья благодать сошла
На Грузию! она цвела
С тех пор в тени
своих садов,
Не опасаяся врагов,
За гранью дружеских
штыков.

Так что хочешь не хочешь, а жизнь учит нас не просто любви к «малой родине», но и государственному мышлению — это тоже традиция великой классики.

Я за то, чтобы слово подтверждалось судьбою. И те свои стихи, в которых такого подтверждения нет, мне хотелось бы забыть... Не люблю литературного происхождения стихотворений, опасаюсь актерства в стихах, театральности, маскарада, примет «массовой культуры», метафорической речи. Я — реалист. Ну, как бы объяснить поподробней, почему я боюсь метафорического мышления и изгоняю каленым железом его следы из своего писания? В метафорическом мышлении, поскольку оно не есть непосредственное лирическое ощущение жизни и противоположно «открытому тексту», всегда есть опасность поэтического шаблона, литературного стандарта. Ты придумал себе маску-метафору, но ведь такую же маску, если она соблазнительна и эффектна, может примерить на себя и кто-нибудь другой. Поэты отличаются друг от друга лицами, а не масками. Маски обезличивают их...

За словом стоит судьба, а судьба — это решения, повороты, стоицизм, выбор, настойчивость, отказ от чего-то. За словом всегда стоят поступки — они, как балласт в трюме, не дают перевернуться паруснику, несущему напоказ миру свои ослепительные белые паруса и прекрасные верхние надстройки... А главный поступок поэта и писателя — это последовательно прожитая жизнь. Очень трудно быть цельным, не поступаться убеждениями, не терять чувство пути. Здесь мало таланта, нужен характер, вернее — натура. Ты должен убедить мир в своей правоте. Мир убедить! Ты понимаешь, за какое дело берешься?! И единственный у тебя остается шанс, поскольку жизнь коротка, а мир занят своими делами, — работать, думать, мучиться, преодолевать немоту, научиться выживать ради поставленной цели, но самое главное—не отступаться от нее и не метаться в разные стороны в поисках иных вариантов судьбы. Словом, «надо мужество иметь...».